Питирим СОРОКИН[1]

ПРОБЛЕМА СОЦИАЛЬНОГО РАВЕНСТВА И СОЦИАЛИЗМ*

§1

Стертые монеты обращаются не только на денежном рынке. Есть они и на бирже духовных ценностей. И их немало. Все ими пользуются, все их употребляют, а подлинную ценность их — увы! — знают очень немногие, а иногда, быть может, и никто. К числу таких же «стертых монет» принадлежит и понятие социального равенства. Оно постоянно котируется на духовной бирже, но многие ли пытались отдать себе отчет в его содержании? Да и те, кто пытались, сумели ли вполне ясно решить, что, собственно, должно мыслиться под этим лозунгом нашей эпохи? Дали ли нам точную формулу этой основы демократии и социализма?

Несмотря на почтенный возраст этого лозунга, легализировавшегося еще задолго до триады революции 1789 года, гласящей: «Свобода, равенство, братство», и «Декларации прав человека и гражданина», подлинное лицо его, к сожалению, до сих пор вполне не раскрыто.

Кратко коснуться некоторых сторон этой проблемы и не столько решить их, сколько поставить — такова задача данного очерка. Вопрос выдвинут самим временем, и, стало быть, рано или поздно он должен быть поставлен.

§2

Не вдаваясь в детали, социальное равенство можно мыслить двояко: в смысле абсолютного равенства одного индивида другому во

[1] Сорокин Питирим Александрович (1889 — 1968) — русско-американский социолог и культуролог. Стоял на позициях отрицания социального монизма и социологического смысла понятия «класс», которому он противостоял свое учение об элементарных и кумулятивных социальных группах.

Основные научные достижения творчества П.Сорокина касаются проблем социальной мобильности и социокультурной динамики. Он впервые ввел такие термины, как «социальное пространство», «вертикальная и горизонтальная мобильность», ставшие затем общеупотребительными. Особое внимание в своих работах П.Сорокин уделял анализу проблем «социальной стратификации», проявляющейся в существовании высших и низших слоев, образующихся за счет неравного распределения прав и привилегий, ответственности и обязанности, наличия или отсутствия социальных ценностей, власти и влияния среди членов того или иного общества.

* Публикуется с незначительными сокращениями по: *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.

всех отношениях: и в смысле прав и обязанностей, и в смысле умственном, нравственном, экономическом и т.д. Коротко говоря, равенство в этом понимании означает полное тождество одной личности другой! Каждый индивид должен быть таким же, как и все остальные, ни больше, ни меньше. Все должны быть одинаково умными, одинаково нравственными, обладать равной долей экономических благ (богатства), в равной мере работать, в одинаковой степени быть счастливыми, пользоваться равным количеством уважения, признательности, любви, таланта и т.д. и т.д.

При последовательном проведении равенства этого типа не должно быть терпимо никакое неравенство в каком бы то ни было отношении. Идеалом его является стрижка всех людей под одну машинку и посильное стремление сделать их совершенно сходными друг с другом, своего рода стереотипными изданиями с одного и того же экземпляра. Общество, построенное по такому плану, похоже было бы на то общество, которое описывается в одном из рассказов Джерома; все индивиды в нем и по одежде, и по росту, и по форме носа или губ были бы похожи друг на друга как две капли воды. Само собой очевидно, что такое равенство — чистая утопия. Оно невозможно, неосуществимо, да едва ли и желательно с точки зрения большинства людей. Что оно невозможно — это не требует доказательств. Что оно не желательно, это тоже ясно, ясно потому, что оно ведет к морали «стыдно быть хорошим», морали, едва ли приемлемой кем-нибудь. В самом деле, раз все должны быть равны друг другу, то нельзя быть умным, ибо есть глупые, нельзя быть честным, ибо есть преступники, нельзя быть здоровым и сытым, ибо есть сифилитики и голодные, нельзя быть красивым, ибо есть безобразные и т.д. «Равенство, так уж равенство во всем!» «Справедливость, так уж справедливость до конца!» При таком понимании равенства не было бы места на жизненном пиру ни Сократу, ни Христу, ни Ньютону, ни Канту, ни Леонардо, ни Микеланджело, ни кому бы то ни было из великих. Царили бы одни посредственности и невежды. Иными словами, мораль этого равенства является раздачей премий невежеству, болезни, преступности и т. д. и ведет к полному застою культуры и ее приобретений.

Сказанного достаточно, чтобы отбросить это понимание социального равенства. Оно утопично, неосуществимо, ретроградно и социально вредно.

§3

Но тогда остается только одна возможность: равенство приходится понимать уже не в смысле тождества, а в смысле пропорциональности социальных благ заслугам того или иного индивида. Согласно

этой формуле пропорциональности, права на социальные блага (богатство, любовь, слава, уважение и т.д.) не могут и не должны быть равны у простого маляра и Рембрандта, у рядового работника науки и гения, у чернорабочего и Эдиссона и т.д. и т.д. «Каждому — по заслугам», «каждому по мере выявленных сил и способностей», «каждому по мере таланта» — вот краткие формулы, выдвигаемые этой концепцией равенства. Таково в основных чертах второе понимание равенства, распадающееся, как увидим ниже, на ряд подразделений. Кроме этих двух типов третьего не существует. Либо то, либо другое. Первое оказалось безнадежно негодным, остается обратиться ко второму.

§4

Равенство в этом втором смысле многие авторы считают чем-то более или менее новым. Однако взятый в своем общем виде принцип пропорциональности заслуг и благ (прав и привилегий), гласящий: «Каждому по его заслугам», старо, как старо человечество».

В известном смысле И.Тэн прав, говоря: «Нельзя думать, чтобы человек стал давать много благ без достаточных побудительных причин и мог быть признателен ни за что, так сказать, по ошибке». Стоит развернуть историю привилегий или неравенства, и с первых ее страниц мы уже найдем эту пропорциональность заслуг и привилегий или благ. В первобытном обществе наиболее привилегированными людьми являются полновозрастные мужчины, а среди них — чародеи и вожди. Почему? Потому что они — носители силы, стражи и защитники группы и наиболее опытные личности. Чародеи же и вожди, по верованию этих групп, — лица, одаренные необычными способностями и оказывающие громадные услуги. Отсюда они — и наиболее полноправные индивиды. Пусть эти заслуги с нашей точки зрения только мнимые заслуги, фактически бесполезные, каковыми нередко они и были, но с точки зрения общества того времени, в силу его неразвитости и малого знания, они казались ценными и полезными. Перейдите к кастовому обществу и встретите то же. Если каста жрецов, в частности браминов, наиболее полноправна, а судр или вайсиев — бесправна, то опять-таки недаром. По воззрениям того времени (фактически, конечно, ошибочным), брамины оказывали необычные услуги — они могли управлять силами природы, вызывать дождь, лечить от болезней, указывали путь к небу, отвращали врагов, одним словом, совершали величайшие подвиги, отсюда они получали и исключительные права и преимущества. А несчастный судра или вайсий, что могли они сделать? Очень мало, по мнению того времени, а потому немного благ и выпадало на их долю (несмотря на фактическую пользу их работы). Возьмите историю

сословий дворянства и буржуазии, или историю католической церкви или просто лиц, пользующихся «популярностью» в том или ином обществе, и здесь вы увидите, что в каждом обществе объем прав и преимуществ того или иного сословия в общем пропорционален их заслугам по оценке этого общества.

В своем «Происхождении общественного строя современной Франции» И.Тэн достаточно ярко показал эту пропорциональность услуг и наград «привилегированных». Ту же истину мы можем наблюдать и в наши дни в применении к целым группам и отдельным лицам. По мере того как общество начинает ценить все ниже и ниже услуги дворянства и выше — услуги «третьего сословия», по мере того падают привилегии первого и растут права второго. Если какой-нибудь X или У имеют «высокий курс» среди тех или иных групп, то неспроста, а потому, что эта группа ценит их за что-то, признает за ними какие-то заслуги и таланты. Если же это так, то ясно, что равенство, понимаемое в смысле пропорциональности услуг и привилегий или благ, не есть какой-то новый лозунг, не есть нечто специфически свойственное демократической эпохе и культуре, а старо как мир, было всегда и существует в наши дни. Поэтому довольно трудно видеть в лозунге: «Каждому по его заслугам» знамение нашего времени, а тем более знамение и отличительный признак демократизма и социализма.

§5

Следует ли, однако, из сказанного, что все разговоры о равенстве как знамении нашей и грядущей культуры, о его росте, о его неразрывности с социализмом представляют одно недоразумение? Значит ли сказанное, что рост равенства — миф, что все остается и должно остаться по-старому? или, как говорит Экклезиаст, «так было, так будет, и нет ничего нового под солнцем»?

Нет, не значит. Вышесказанное говорит лишь о том, что нельзя в таких важных вопросах ограничиваться общими формулировками, вроде «каждому по его заслугам», а необходимо идти дальше — детализировать и точнее выявлять эти общие фразы. В противном случае неизбежны недоразумения. Да, несомненно, принцип «каждому по его заслугам» не нов, верно, что он стар, как человечество, что он действовал во все времена и, вероятно, будет действовать в грядущем. Не в его общей формулировке кроется сущность современного равенства и его новизна. Для выявления природы последнего нужно идти дальше и поставить ряд дальнейших вопросов. Только тогда возможно «выловить» «святая святых» современного равенства. Иначе — оно ускользнет через широкую сеть этой общей формулы, и мы останемся у «разбитого корыта». Попробуем (конечно, кратко) сделать эти дальнейшие шаги.

Несомненно, формула «каждому по его заслугам» стара, но ново то содержание, которое вкладывается в эту формулу, или, точнее, нов тот критерий, тот аршин, по которому измеряются эти заслуги и устанавливается эта пропорциональность заслуг группы или индивида и соответственной доли социальных благ (прав и привилегий), причитающихся им за эти заслуги или, говоря шире, за те общественные функции, которые они выполняют.

Пропорциональность в истории более или менее постоянна, но основы и критерии ее — изменчивы и различны. И этой переменой оценочных критериев, заслуг и привилегий, если угодно, и исчерпывается сущность происшедших изменений. Тот, кто сумеет верно уловить специфические черты этого оценочного критерия, господствующего в эгалитарном обществе, тот тем самым сможет дать и основные черты общества, построенного на принципе равенства.

Спросим себя теперь, в чем же состоит происшедшее здесь изменение? Иными словами, каковы были критерии, распределявшие социальные блага «каждому по его заслугам» в прошлом и каковы они теперь? Есть ли здесь какое-нибудь изменение, или его нет?

Не претендуя совершенно на сколько-нибудь исчерпывающий ответ, заведомо невозможный в пределах данной статьи, укажем лишь основные штрихи происшедшего перелома.

При сравнении способа установления пропорциональности заслуг и наград в древних обществах и в новых, первое, что бросается в глаза, это тот факт, что в древности критерий оценки был не индивидуальный и не равный. Тот или иной поступок индивида оценивался не сам по себе, а в зависимости от того, к какой группе принадлежал этот индивид. Иными словами, мерой достоинства индивида была не совокупность его личных качеств и заслуг, а характер той группы, членом которой он был. Если эта группа занимала вершину общественной лестницы, если она была окружена ореолом, все ее плюсы, весь ее свет и все ее привилегии падали и на долю ее члена, как бы скверен и незначителен сам по себе ни был этот индивид. И наоборот, если группа занимала низы, бесправным был и ее член, хотя бы он был «семи пядей во лбу». Человек касты браминов всегда был и оставался брамином (исключая редчайшие случаи). Судра же, при всех своих заслугах, не мог выйти из своей касты и не мог никогда сделаться брамином. Каждый из них был прикреплен к своей касте (или группе), как индивид, он был ничем, а подлинная его ценность определялась высотой социального положения той группы, из лона которой он вышел. Раб всегда был рабом, а господин — господином, между тем и другим всегда была пропасть.

Первый, будь он храбрейшим и мудрейшим (вспомним Эпиктета), все же был «вещью», и в первые времена рабства ничто не могло

изгладить печать его позорного происхождения. Второй был и оставался «персоной», хотя бы он был «полной бездарностью» и моральным ничтожеством. Первый рождался и умирал бесправным, второй рождался господином и умирал таковым. Их личные свойства были ни при чем, и не ими определялось то количество жизненных благ, которое выпадало им на долю в жизни. Это количество определялось их принадлежностью к той группе, к которой они в силу ли рождения или иных условий принадлежали. Иными словами, аршином, которым измерялась в древности величина заслуг того или иного индивида, были не их личные заслуги и фактические свойства, а характер и социальное положение той группы (рода, касты, сословия), членами которой они были.

Отсюда легко понять и две следующие особенности старого порядка: 1) наследственность привилегий или бесправия и 2) религиозно-юридический характер общественной дифференциации древнего общества.

Так как группа живет долго и не исчезает с одним поколением, то все, кто родились в ней, механически делались «сопричастниками» ее свойств. Сын брамина или патриция механически наследовал достоинства и привилегии своего отца, своей группы. Сын рабыни, раба или судры механически становился рабом или судрой. Разбить эти барьеры не было сил. Они были не только фактом, но и правом. Каста от касты отделялись не только в силу факта, но и в силу религиозно-юридических санкций. Смешение групп было запрещено и объявлено смертным грехом и преступлением.

Говоря образно, древняя общественная дифференциация напоминала дом с наглухо отделенными друг от друга квартирами, резко отличавшимися друг от друга по богатству и роскоши. В одних — было изобилие благ, в других — нищета, болезни и позор. Индивид, родившийся в богатой и «высшей квартире», становился баловнем судьбы; раб же, родившийся в рабском подвале, становился «изгоем» и рабом. Вход из одной квартиры в другую не допускался, как не допускается переселение из рая в ад. Все сообщения были замкнуты наглухо, и на страже стояли религия, право и общественная власть, вооруженные всеми своими аппаратами, огнем и мечом и богатым арсеналом земных и небесных наказаний.

Рассматривая с этой стороны предыдущую и современную системы оценки заслуг и распределения наград, мы не можем не видеть между ними громадной разницы. Различие это состоит в том, что теперь степень заслуг индивида определяется уже не его принадлежностью к той или иной группе, а его личными свойствами, его индивидуальными заслугами. Несмотря на существующую до сих пор массу пережитков старого порядка, общая тенденция развития та-

кова. И индивидуально, и социально, как общее правило, мы теперь ценим «добра молодца» «не по батюшке, не по племени, не по городу, не по роду-корени и по его сословию», а по нему самому. Нам теперь решительно не важно — «белой или черной кости» он, дворянин он или сын пролетария, а важно — кто он и что он сам по себе, что он сделал и какие заслуги принадлежат ему лично. Если таковые есть — будь он «эллин или иудей, раб или свободный», — мы их признаем. Если нет — будь он сын владетельного князя или сиятельного принца, — для нас его титулы ничего не прибавят. А это значит, что критерий оценки заслуг теперь стал индивидуальным и равным. Мерка в принципе одна и та же для всех. Раньше она была и не индивидуальна, и не равна. Если судра совершал малейшее преступление — ему грозила страшная смерть. Для брамина же все было дозволено. «Пусть царь никогда не губит брамина, хотя бы он совершил все преступления», — читаем мы у Ману. И наоборот, если привилегированный совершал маленький подвиг — его ждали изобильные награды и почести. Человек же низов мог «срывать звезды с неба» и, однако, не получить ничего. Награды получал не он, а его господин. Теперь в принципе мерка одна и та же. «Декларация прав человека и гражданина» во Франции и «Табель о рангах» у нас были пограничными столбами, указывающими на границы старого и нового порядков. Теперь право в принципе гласит: кто сделает то-то и то-то, получает то-то, кто совершит такое-то преступление, будет так-то наказан независимо от его происхождения, рода и племени. Мерка индивидуальна и единообразна для всех.

Обращаясь к нашему образу, можно сказать, что современная общественная дифференциация похожа на казенный дом с казенными квартирами. Но отличие от предыдущей картины здесь в том, что эти квартиры сообщаются друг с другом, и нет, по существу, ни религиозных, ни правовых барьеров. Сегодня роскошную квартиру занимает один, а завтра ее же может занять «обитатель подвала», если он выполнил ряд условий и сделал ряд «подвигов». Рождающиеся в пышных апартаментах теперь могут перейти в подвалы, и наоборот, — из подвалов попасть во дворцы и замки. Все, в принципе, зависит от индивидуальности и личных качеств.

А отсюда само собой следует: 1) исчезновение наследственности привилегий или бесправия (падение каст, сословий и вообще правовых статусов); 2) падение религиозно-юридической основы общественной дифференциации.

В силу первого сын тайного советника может (в принципе) оказаться человеком без чина, и наоборот, — сын прачки — министром и тайным советником. В силу второго — грань между группами (сословиями или классами) теперь только фактическая, а не юридичес-

кая. Переход из одной в другую не запрещен и возможен. Общественно-государственные должности не наследственны и не являются монополией избранного сословия. Доступ к ним в принципе открыт для всех.

А все это означает, что личность освободилась от опеки группы, рода, племени, касты, сословия и мало-помалу сбросила с себя все эти пеленки. Теперь она — самоцель, выступает таковой и оценивается как таковая же.

Таково первое основное отличие старого порядка от нового. Основа оценки заслуг из неравной и неиндивидуальной стала единообразной и индивидуальной.

Лозунг: «Каждому по его заслугам» и теперь тот же, но содержание его изменилось, и в современном своем виде он призывает к распределению социальных благ совсем иначе, чем раньше.

§6

Выше я кратко очертил лишь отличие современного «оценочного механизма» от старого, так сказать, самый аршин распределения благ и установления пропорциональности заслуг и наград. Теперь поставим иной вопрос. Спросим себя, а не изменилось ли также и то, за что давали раньше и дают теперь «награды»? Не утратили ли своей ценности в ходе истории многие поступки и качества, раньше считавшиеся «подвигами» и высоко награждавшиеся, и наоборот, не стало ли теперь высоко цениться многое, что раньше «ни в грош не ставилось».

Пусть в древности масштаб оценки был коллективным и неравным, а теперь стал индивидуальным и единообразным. Это еще не объясняет, почему сама каста браминов обладала такими привилегиями, а судры были столь бесправны? Очевидно, по верованиям общества того времени, брамины выполняли общественные функции столь важные, что они заслуживали и высоких привилегий. Если же теперь они лишены последних, то, очевидно, в силу того, что эти функции стали бесценными в глазах современного общества. Ввиду этого небезынтересно посмотреть, что же ценилось в прошлом, какие общественные функции считались особенно важными, какие потеряли свою ценность и какие приобрели ее. Иными словами, что было «субстанцией» самой ценности в прошлом и что стало ею теперь.

Краткий ответ на этот вопрос гласит: в древности ни личность, ни даже группа сами по себе не были высшими ценностями, «самоценностью» или «самоцелью», а таковой было «божество» или «божественная сила», как бы она ни называлась (тотем, мана, позже божество, бог и т.д.).

И индивид, и группа (каста, сословие и т.д.) были тем выше, чем они ближе стояли к божеству, чем более они были сопричастны божественной силе, чем более участвовали в ней. Лозунг: «Каждому по его заслугам» в эти эпохи получает толкование: «Каждому по степени божественной благодати, почиющей на нем». Это первая историческая форма этого лозунга. Исторически обосновать это нетрудно. В первобытных обществах наиболее привилегированы полноправные мужчины и старики, а из среды их — чародей-жрец, часто являющийся и вождем. Женщины и дети — самые неполноправные члены группы. Констатируя это, мы видим и другое, а именно: полноправные же мужчины и особенно чародей-жрец являются наиболее сопричастными божеству, участвуют в религиозных церемониях, предварительно проходят через цикл обрядов посвящения и таким образом становятся носителями и участниками божественной силы тотема. Женщины же и дети (до посвящения) считаются погаными. Они не подпускаются близко к религиозным святыням, им воспрещается даже смотреть на них и т.д. На них нет «благодати», а потому они и бесправны.

Восточные деспоты, римские императоры, объявлявшие себя высшими понтификами, папы периода средних веков — все они, по верованиям того времени, были живыми носителями, «наместниками» божества — отсюда и неограниченность их прав и привилегий. Таков был руководящий принцип ценности в прошлом.

Переходя от него к нашему времени, нельзя не заметить громадного сдвига, уже вполне отчетливо сказавшегося в XVII и XVIII веках в работах мыслителей того времени и приведшего к формуле: «Высшая ценность — человеческая личность». «Человек — самоцель и ни для чего, и ни для кого средством быть не может». Таков основной критерий ценности нашего времени, слышимый всюду и везде, под его знаком стоят все современные системы и морали, и права. Таков второй характерный сдвиг, совершившийся в пределах той же формулы «каждому по заслугам». А это значит: радикально изменились и сами взгляды на ценность и заслуги. Из религиозной основная ценность стала человеческой, светской. Религиозные действия и функции шамана и жреца, в силу их религиозности, были святы, велики и ценны для общества того времени, верившего в их силу и оценивавшего все с точки зрения божественной ценности; для современного же общества эти действия — бесполезная и неумная трата сил, не заслуживающая никаких привилегий или прав. А раз так, конечно, теперь невозможно и немыслимо существование привилегий религиозной касты, наподобие браминов. Основная ценность «очеловечилась», а в зависимости от этого изменилась и «цена» отдельных актов. То, что раньше высоко ценилось, пало, и то, что рань-

ше не ценилось, приобрело высокий курс. Расценка из религиозной превратилась в светскую. Объем наград стал теперь соизмеряться не со степенью «божественной благодати», почиющей на личности или касте, а со степенью общественной полезности данного индивида или группы.

Раньше, если на человеке не было этой благодати, он был бесправен. Теперь человек уже в силу того, что он человек, не может быть бесправным, ибо «человек — свят и самоценен».

Этим самым уничтожен один из китов неравенства.

Раньше, если эта «благодать» признавалась за личностью, она получала награды, хотя бы и ничего не делала. И наоборот, рабы, женщины, члены низших каст, как бы ни была общественно полезна их функция и работа, не получали прав, ибо были лишены благодати. Теперь, в силу совершившегося перелома, распределение благ стремится быть противоположным.

Мудрено ли поэтому, что по мере падения религиозной оценки социальных функций и их носителей мы видим развивающийся рост практически хозяйственного прейскуранта в распределении социальных благ.

На место святости и касты жрецов, сначала наряду с ними, а затем уже и самостоятельно, приходят воины, служилое сословие — феодальная знать и дворянство — защитники целости и безопасности страны. Социальный курс их общественной роли быстро растет — растут поэтому и их привилегии. Лозунг «каждому по его заслугам» получает форму каждому по мере его участия в обороне страны от врага, по мере его ратной службы и участия в ее управлении».

Приходит дворянин, «высокое сословие», «белая кость», постепенно становится на вершине общественной лестницы и берет себе полноту власти и прав.

Но идут времена. Растут города. Растет и роль капитала. Феодальное ополчение сменяется наемной армией или народным войском на основе всеобщей воинской повинности, рост расходов для государственного управления увеличивается, одним словом, деньги становятся великой силой, определяющей собой и военное могущество государства.

Благодаря этому сама по себе ратная служба служилого сословия, сделавшаяся к тому же обязанностью всех подданных, постепенно теряет свой социальный вес и вытесняется растущим значением капитала. А отсюда — мудрено ли, что «третье сословие», носитель «господина капитала», начинает завоевывать больше и больше прав и в конце XVIII века во Франции свергает «молот» дворянства и само занимает его место; то же происходит и в других странах.

Лозунг «каждому по его заслугам» приобретает форму «каждому по его капиталу». Таковы те типические содержания, которыми история наполняла эту «вечную» формулу. Мы сейчас стоим как раз в середине того процесса, когда капитал достиг своей высшей оценки и намечаются уже признаки замены этой ценности — новой, иной, грядущей.

§7

Каким же содержанием намерена наполнить история эту формулу? Что должно встать в ней на место капитала и сделаться основной ценностью для соизмерения заслуг и привилегий? Как всякий прогноз, и мой ответ будет, конечно, гадательным; но тем не менее он весьма вероятен. Ответ гласит: «Каждому по степени его личного социально полезного труда». Таково, думается, ближайшее содержание, которое история впишет в эту формулу. Если вдумчиво вглядываться в совершающиеся вокруг нас изменения, то нельзя не заметить, что рост нетрудовых доходов постепенно ограничивается в самых различных формах: и в виде прямого обложения, и в виде изменения законов о наследстве и в виде конфискации конъюнктурного роста ценности капитала (земельных участков и т.д.), и в виде растущей монополизации производства и обмена в государстве и т.д. А самое главное — путем прямой борьбы труда и капитала. С того времени, когда был раскрыт фетишизм капитала, когда трудовая теория ценности заявила, что сам капитал — только продукт и символ труда, прочное и царственное владычество капитала было поколеблено. И чем дальше, тем оно колеблется сильнее и сильнее. И лично для меня нет сомнения, кто из этих двух противников победит: рано или поздно победа останется, конечно, на стороне труда.

Если же это так, то нетрудно извлечь практические выводы из этого факта: так как труд в настоящее время приходится главным образом на долю «низших» масс — крестьян и рабочих, то, раз он становится главным видом общественной заслуги, очевидно, в силу общего закона, это должно повлечь распространение полноты прав и на эти «низы».

А так как «низы» составляют большинство людей, то распространение полноты прав на них означает не что иное, как распространение прав и благ почти на все человечество.

Этот факт расширения группы лиц, пользующихся полнотой прав, станет еще рельефнее, если учесть, что этот процесс касается одинаково мужчин и женщин. Роль и функция последних в обществе постепенно уравнивается с ролью мужчин. Поэтому вполне естественно ожидать, что и их права будут все более и более расти, что мы фактически и видим в эмансипации женщин и в весьма ясном и в наши дни росте их правоспособности.

Таковы основные формы, которые принимал лозунг «каждому по его заслугам» на протяжении истории.

§8

В предыдущем мы дошли до вывода, что в наше время формула «каждому по его заслугам» стремится стать формулой «каждому по степени его личного социально полезного труда». Отсюда вывод: так как труд выпадает главным образом на долю трудового народа, то он неизбежно должен обладать и полнотой прав, полной долей социальных благ, до сих пор целиком выпадавших лишь немногим привилегированным.

Прямым доказательством этого служит тот факт, что труд в XIX и XX веках все сильнее и сильнее начинает выдвигаться в качестве основной общественной заслуги. «Трудовой принцип» все резче и резче просачивается во все — и политические, и экономические, и социальные — теории. Весь XIX век стоит под знаком трудовых теорий, начиная с трудовой теории ценности в политической экономии и кончая многочисленными конструкциями социализма, где труд является краеугольным камнем, на который опирается здание всей грядущей культуры. И в науке, и в обыденном сознании принцип социально полезного труда стал главным видом и основным критерием общественной заслуги. Из унижающего занятия он превратился в деятельность, облагораживающую человека.

Если действительно это так, то в течение XIX и XX веков мы должны найти и соответственное увеличение прав трудящихся, стремление к уравнению их прав с правами остальных классов. Существует ли действительно такая тенденция?

Думается, да. Рост прав трудовых классов в течение указанного периода проявился: 1) в провозглашении равенства всех граждан перед законом, в противоположность юридическому неравенству старого права; 2) в уничтожении сословий и сословных привилегий и в провозглашении принципа, согласно которому представители трудовых классов имеют право, равное с привилегированными классами, на занятие любой общественной должности, чего раньше не было и не могло быть; 3) в равенстве политическом, в уравнении трудящихся классов с привилегированными классами в пользовании публичными правами человека и гражданина (избирательное право; свобода слова, печати, союзов, верований; неприкосновенность личности и т.д.) и в их объеме; 4) в ряде фактов, направленных на то, чтобы равномерно распределить между всеми классами основное духовное богатство — знание (отсюда: недопускавшееся раньше всеобщее бесплатное обучение, бесплатные курсы, лекции, библиотеки), тенденция интеллектуального равенства; 5) в стремле-

нии к равенству экономических благ, проявляющемуся в постепенном повышении заработной платы, в создании союзов рабочих для борьбы за ее повышение, в страхованиях государства от безработицы, старости, болезни. Естественным завершением этого процесса служит обобществление средств и орудий производства, вполне логично и правильно провозглашенное социалистами.

Не указывая других фактов, и сказанного достаточно для того, чтобы считать доказанным тезис, согласно которому рост ценности труда как основной заслуги в глазах общества действительно влек и неизбежно должен был повлечь и рост прав и доли социальных благ для тех, кто является в обществе представителем труда.

§9

Было бы, однако, ошибкой думать, что этот процесс уравнения прав трудовых масс с нетрудовыми, с одной стороны, и процесс установления пропорциональности труда и вытекающих из него прав на социальные блага — с другой, закончен. Нет! Он только еще начинается. Вышеуказанные факты роста прав труда в XIX и XX веках — это только начало процесса. Правда, граждане объявлены равными перед законом, равными в своих публичных правах и т. д. Но разве до сих пор это равенство не остается почти исключительно словесным равенством? Разве фактически количество жизненных благ, приходящихся на долю капиталиста и рабочего, аристократа и крестьянина, равно? Разве мы не видим с одной стороны роскошные дворцы, а с другой — подвалы нищеты? Пресыщение и ничегонеделание одних, голод и работу до изнеможения других? Разве и до сих пор жизнь для одних не является сплошным пиром, а для других — голгофой, пыткой, беспрерывным трудом и нищетой?

Короче говоря, равенство экономических благ далеко еще не достигнуто. Как общее правило, трудовые классы остаются обделенными до наших дней, а львиная доля благ приходится классам «праздноующим» и малоработающим.

И это относится не только к экономическим благам. То же видим мы и касательно благ почета, уважения, общественного почитания и благ знания. Все эти ценности до нашего времени выпадают носителям труда в малой дозе. Верхи общественной лестницы по-прежнему занимают привилегированные классы.

Процесс уравнения идет, но он далеко еще не закончен.

Эта незаконченность уравнительного процесса выступает и в ряде других форм. Наряду с индивидуальным неравенством дано неравенство классов; кроме него — неравенство национальных групп, неравенство религиозное, государственное, профессиональное и т.д. Во всех этих отношениях есть привилегированные и обде-

ленные, эксплуататоры и эксплуатируемые, угнетатели и угнетаемые.

Правда, как указано выше, с поступательным ходом истории все эти перегородки падают, но до окончательного падения их еще далеко, еще много пройдет времени и потребуется немало жертв...

Тенденции уравнения — несомненны, но они еще далеко не закончены в своем осуществлении.

§10

Спросим себя теперь: «Как же должно мыслиться социальное равенство в своем идеальном завершении?» Означает ли оно только установление известной пропорциональности между заслугами индивида или группы и социальными ценностями (благами) за эти заслуги? Или же оно может мыслиться как равенство благ одной личности с благами всех остальных?

Выше мы отвергли так называемое абсолютное равенство. Отвергаем его и теперь. Но это не означает, что сам принцип «пропорционального равенства» при надлежащем развитии не может привести и не приводит к равенству абсолютному.

Поясним сказанное. Из краткого исторического рассмотрения формулы «каждому по его заслугам» мы видели, что 1) сам аршин, которым измеряются эти заслуги, стал равным, превратившись из неравного, группового в индивидуальный, личный; 2) видели, как изменялось и само содержание социальной заслуги, пройдя через этапы: общественная заслуга — это близость к божеству, это ратная служба и управление, это — обладание капиталом и выполнение торгово-промышленных функций, наконец, это социально полезный труд. Каждая замена одной формы другою влекла за собой и расширение количества лиц, правомочных получать правовые и социальные блага. Формула «каждому по его труду» означает, по существу, распространение полноты прав и благ почти на весь народ, на большую часть человечества. Мало того, так как занятие тем или иным социально полезным трудом доступно почти всем, никому оно не воспрещено, а, напротив, рекомендуется, в наши же дни начинает даже принудительно вводиться («трудовая повинность»); так как, далее, лентяйничанье, праздношатательство и тунеядство все резче и резче порицаются общественным сознанием, то можно и должно ожидать, что процент трудящихся будет все более и более расти с ходом истории, а процент бездельников — уменьшаться. Пределом его может и должно быть общество, где все (исключая, конечно, абсолютно неспособных, вроде младенцев, калек) будут трудиться и где не будет «ничего не делающих».

Если же это так и если теорема пропорциональности заслуг и привилегий правильна, то отсюда вывод: в обществе будущего полнота

прав и социальных благ будет принадлежать всем, то есть каждый будет иметь право и возможность на получение полной доли и экономических, и духовных, и всяких других благ. Если же такое предположение о том, что все будут трудиться, не осуществится, тогда не может быть и указанного следствия.

Таков первый вывод. Но он еще не предопределяет, что доля этих благ будет равной для всех. Скажут: труд всех далеко не будет одинаковым. Один будет трудиться над созданием новой машины, а другой — бить булыжники, один создаст прекрасное произведение искусства, другой будет выполнять чисто механическую работу. Неужели же все эти виды труда будут оцениваться одинаково?

Далее, в одно и то же время один, более искусный, работник будет работать продуктивнее, чем другой, менее искусный. Как же уравнивать их и как измерять их работоспособность?

Ответить категорически на эти вопросы едва ли кто-нибудь в состоянии. Возможно, что общество будущего, исходя из положения, что самые простые формы труда не менее необходимы и полезны, чем самые сложные (изобретение и т.п.), найдет вполне справедливым уравнять их ценность и соответственно и долю социальных благ. Такое предположение может быть допущено еще и потому, что в будущем, по-видимому, та или иная форма труда не будет принудительно навязываться каждому, а более или менее свободно избираться каждым индивидом, сообразно его свойствам и склонностям. При таких условиях всякая работа будет своего рода искусством и творчеством и потому должна будет оцениваться, как творчество.

Возможна, однако, и иная расценка. Ряд произведений труда, для создания которых потребуется особый талант и одаренность (например, произведение искусства, науки), могут оцениваться выше, чем рядовые продукты труда, а посему и авторы таких произведений будут получать долю социальных благ (экономические блага, слава, уважение, восхищение и т.п.) более высокую, чем доля рядовых работников. Такое положение дел будет более вероятным в ближайшее к нам время. Только в конце этого пути оно может превратиться в предыдущую картину равной оценки всех форм социально полезного труда.

Что касается единицы оценки одинаковых форм труда, то всего вероятнее, что такой единицей будет количество рабочих часов. Различная продуктивность работы в одни и те же часы едва ли даст основание для различной доли расценки. Ведь и теперь не все чиновники одного ранга и профессии работают одинаково продуктивно. Однако и теперь уже штаты и жалованье их назначаются равными и не вызывают особенных протестов. Тем более это должно быть в будущем обществе.

§11

Возможность равного распределения экономических благ (экономическое равенство) допускается и в принципе не оспаривается. Оно кладется во главу угла социализма. И сам социализм мыслится обычно как система обобществления средств и орудий производства. Фридрих Энгельс в своем «Анти-Дюринге» указывает, что содержанием пролетарского равенства является исключительно социальное равенство, понимаемое в смысле уничтожения классов. «Всякое же требование равенства, переходящее эти пределы, неизбежно является нелепостью», — говорит он. Этим самым система марксизма значительно ограничивает и суживает характер равного распределения социальных благ, а тем самым и само понятие равенства. С ее точки зрения допустимо лишь более или менее равное право на экономические блага, но не может быть речи о более или менее равном распределении благ иного рода: права на знание (интеллектуальное равенство), права на честь, уважение и признание, права на максимум моральности (моральное равенство) и т.д. С точки зрения догмы марксизма подобное равенство немыслимо и абсурдно.

Так ли то, однако? Действительно ли социализм может говорить только о равном распределении жизненных экономических благ и не может требовать равенства иного: морального, интеллектуального и т.д.?

Действительно ли абсурдно по своей сущности требование, например, интеллектуального равенства?

Я бы не ответил на эти вопросы так категорично, как Энгельс. Напротив, я склонен был бы думать, что социализм должен требовать все эти формы равенства, и не считал бы такое требование абсолютно утопическим.

Социализм, основным элементом которого является принцип равенства, не должен и не может ограничиваться требованием одного экономического равенства (равное распределение экономических, имущественных благ) потому, что тогда он означал бы учение половинчатое, не требующее равного распределения самых ценных видов социального блага. Разве благо знания, или благо общественного признания, или благо добра стоят меньше, чем экономическое благо и имущественная обеспеченность? Разве первые виды социальных благ не более или, по крайней мере, не столь же ценны, как и благо имущественной обеспеченности, комфорта, довольства и другие материальные блага?

Мало того, разве само имущественное равенство мыслимо и возможно без равномерного распределения знания, моральных и правовых благ? Разве возможно равенство личностей, их взаимная

свобода и обеспеченность в обществе, где будут умные и глупые, ученые и невежды, моральные люди и преступники? Разве в таком умственно и морально дифференцированном обществе есть гарантии, что умники под новыми формами не обманут снова невежд? Разве в таком обществе «добропорядочные» не будут снова упекать в тюрьмы преступников, а преступники убивать первых; иными словами, разве в таком обществе возможна подлинная свобода, и не появятся снова эксплуататоры и эксплуатируемые, хищники и жертвы, тюрьмы и преступления, короче, — все зло современного общества?

Такую возможность едва ли можно отрицать. А потому — раз социализм объявляет войну всем этим бичам человечества, он неизбежно должен выставить и требование равенства не только экономического, но и интеллектуального и морально-правового.

История XIX — XX веков показывает, что блага последнего рода человечество ценит не ниже, если не выше, благ чисто экономических. Если бы было иначе, то мы не были бы свидетелями той упорной борьбы трудовых масс, которой полна история XIX и XX веков, за блага правовые и интеллектуальные (равенство перед законом, равенство для занятия публичных должностей, право на равные политические блага — избирательное право, свобода слова, печати, союзов, совести и т.д., борьба за всеобщее и бесплатное обучение, борьба за равное уважение доброго имени каждого и т.д. и т.д.), которые ценились не только как средство для постижения других благ, но и как самоценности. Мыслимо ли, чтобы человечество и в будущем перестало ценить эти блага и отказалось от борьбы за полноту наделения ими каждого? Нет, немыслимо. Социализм волей-неволей должен добиваться и этих форм социального равенства. Иначе он будет ублюдочным, отсталым идеалом, а не высшим воплощением высочайших достижений и завтрашних чаяний.

Это значит, содержание социализма понималось Энгельсом узко и неполно.

Но в ответ мне скажут: «Допустим, что вы правы. Согласимся, что социализм должен требовать равного распределения не только имущественных, но и интеллектуально-правовых благ. Но ведь нельзя же требовать невозможного! А такое требование явно абсурдно и утопично. Оно возвращает нас к тому "абсолютному равенству", которое вы рассмотрели раньше и сами же признали абсурдным». Отвечаю на это. Прежде всего, такое требование равного распределения интеллектуально-моральных благ вовсе не равносильно требованию «абсолютного равенства». Последнее было бы дано, если бы я сказал, что раз *X* знает санскрит, его должны знать и все остальные, раз *У* знает теорию дифференциалов, ее должны знать и

все сочеловеки. Интеллектуальное равенство мыслится как обладание более или менее одинаково развитым логико-мыслительным аппаратом, а не обладание одинаковыми познаниями. Познания могут быть различны. Одному человеку нельзя знать всего. Это и вредно, и невозможно. Но можно и должно каждому владеть всеми логическими и научными приемами, при наличии которых он мог бы «перерабатывать» любую «интеллектуальную пищу». Задача всякого обучения именно к этому и сводится прежде всего, а не к обогащению памяти всевозможными сведениями. Раз такой аппарат дан — потенциально дана возможность овладеть любой отраслью знания, а, следовательно, и взаимное умственное равенство и умственная независимость. Дело каждого уже выбрать себе любую сферу знания и работать над ее проблемами. Такое «интеллектуальное равенство», как видим, далеко от «абсолютного равенства» и вовсе не направлено на то, чтобы опустить Ньютона до уровня дикаря, а, напротив, поднять последнего до высоты первого.

То же применимо и к моральному равенству. И оно не обозначает того, что раз во имя долга я перевязываю раны сифилитикам, то же обязаны делать и все. Нет! Форм проявления альтруизма бесконечно много, и каждый может и должен здесь делать то, что соответствует его склонностям. Важно только, чтобы все поведение в целом вызывалось и соответствовало заповедям действенной любви. Посему и моральное равенство не требует низведения Христа на уровень разбойника, а стремится к тому, чтобы поднять последнего до уровня первого.

В силу сказанного первое возражение отпадает.

Теперь спросим себя: а мыслимо ли, чтобы подобные формы равенства могли быть осуществлены?

Разве не аксиома, что люди рождаются неравными, одни с хорошей наследственностью, другие — с плохой, один с прирожденными талантами, другие — без оных? Разве же не утопия думать, что все это может быть преодолено? Далее, не означало ли бы такое равенство подавление индивидуальности, ее самобытности и отрицание пользы дифференциации и борьбы за совершенствование и господство?

Отвечаю. Подавления индивидуальности нет, ибо не может же считаться обществом, подавляющим индивидуальность, общество, состоящее из Гете, Гегеля, Канта, Бетховена и т.п. лиц. Это означает только, что все общество состоит из гениев, но каждый из них свободен в своем творчестве. Биологические основания неравенства: наследственность, борьба за существование, дифференциация — несомненно, препятствия серьезные и громадные, но не непреодолимые.

Сама история и жизнь ведут к указанным формам равенства. Правда, полное умственно-моральное уравнение — предел, абсолютный идеал, который, быть может, никогда не будет достигнут. Но вместе с тем несомненно, что историческое колесо вертится именно в этом, а не в ином направлении. Вот почему идеал социального равенства и социализма без этих форм равенства был бы неполон и вот почему он не может не выставлять подобного требования.